

СТО ПЕРВЫЙ НОВЫЙ ГОД

Советский цирк завоевал поистине мировое признание. Много славных имен в истории отечественного искусства арены: братья Дуровы и Иван Поддубный, Румянцев — Карандаш и Олег Попов, Ирина Бургимова и Валентин Филатов, Юрий Никулин и Михаил Шуйдин... Новогодний гость краснозвездской «Землянки» — старейшина русских и советских иллюзионистов, человек, стоявший у истоков нашего циркового искусства — ярмарочного балагана, — факир и шпагоглотатель Дмитрий Иванович Лонго.

Сегодня он встретит 101-й свой Новый год. Отложит в сторону все дела, примет из рук друзей праздничный бокал и будет ждать, когда кукушка из деревянных часов сильно прокричит двенадцать раз. Он не верит в то, что эта серенькая птица может предсказывать человеку годы, ибо ни одна кукушка, ни одна ворожея не смогла бы предугадать столь долгой и цветистой жизни, какая выпала на долю ему...

Он щелкнет пальцем по глиняному кувшину, прочтет на память строки Хайяма:

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил: —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
Сделал бывшего шаха утехой нутил».

Все его знакомые шахи, ханы, эмиры, которые когда-то снисходительно дозволяли ему, заезжему факиру, в виде особой милости коснуться царственной туфли, давно пребывают во прахе, а у старого артиста еще масса дел, забот, творческих замыслов.

«Человек, если он человек, — может все!» Этот дерзкий девиз, высказанный летчиком-испытателем Анатолием Зыковым, как

нельзя лучше подходит к сценической деятельности Д. И. Лонго.

Смотрите, призывал факир, человек может все: босиком подняться по лестнице, перекладыны которой — остро отточенные сабли, разгвливать по горящим углям, лежать на гвоздях, лить в рот расплавленное олово и смело — зрачком к зрачку — глядеть в глаза гюрзы... Он дразнил смерть, он издевался над смертью. В легендарном своем трюке «факир в могиле» Лонго ложился на дно ямы, и ее забрасывали землей на сорок минут... Немислимо?

Да, природа поставила нам известные пределы: «выше себя не прыгнешь», «бойся, как огня», «береги, как зеницу ока». А акробат Лонго выпрыгивал в сальто выше своего роста, кудесник Лонго извергал изо рта фонтаны огня, факир Лонго вынимал глаз из орбиты, точь в точь, как это делают опытнейшие окулисты при сложных операциях. Лонго изумлял публику невероятными трюками, ломая привычное представление о человеческих возможностях. Он по своему раздвигал пределы дозволенного природой, но не разумом. Не потому ли в тридцатых годах по личной просьбе К. Э. Циолковского факир и востоковед Лонго

рассказывал ученому о том, как трактуется в буддистской философии проблема безграничности миров. К необычному искусству российского факира с вниманием и уважением относились выдающиеся деятели литературы, искусства и науки начала века: Куприн, Репин, Чехов, Мечников, Эдисон... Горький посоветовал ему написать книгу о факирской жизни, а когда Дмитрий Иванович воскликнул: «Я же ни одного класса не прошел!» — сказал: «Просто, без выкрутасов, как мне рассказываете, так и пишите».

Даже если по-анкетному кратко пересказать жизнь этого человека, сказки «Тысячи и одной ночи» припомнятся сами собой. Родился он в Джульфе, недалеко от персидской границы, в семье потомственного антикара. Семилетним мальчишкой бежал из дому в Тифлис, а оттуда через Ватум в угольной яме парусника-парохода перебрался в Константинополь. Дважды обогнул земной шар, побывал и в Австралии, и в Африке, и в обеих Америках. Турецкие дервиши учили его акробатике, бродячий итальянский артист Лионелли — шпагоглотанию, монгольские ламы — обращению с огнем, индийские факиры — йоге. Грамоте обучился сам. Он гастролировал в крупнейших цирках Европы, выступал в Японии, Китае, Ираке, Афганистане, Египте, Сирии. Говорят, и сейчас еще его портрет висит в ассоциации индийских магов.

После революции артист с мировым именем выступал в заводских цехах, на полевых станах, в красноармейских клубах: разоблачал религиозные «чудеса», удивлял, радовал, смешил, поучал своими остроумными фокусами. Был удостоен лестной похвалы М. В. Фрунзе. Последний концерт дал незадолго перед самой войной — ушел на пенсию. Но война-то была Отечественной, и семидесятилетний

чародей записался в народное ополчение. По ночам дежурил на крыше Московского цирка — тушили термитные бомбы: пригодилась-таки факирская практика.

Оттуда, с крыши Московского цирка, наблюдал он, как строился в походную колонну на Цветном бульваре ансамбль донских казаков, руководил которым на манеже, а в войну командовал хорошим друг Лонго — Михаил Туганов. Артисты-казаки в первые же военные дни добровольцами вступили в кавалерийский корпус Доватора. Немногие из них дошли до Берлина. Но в день капитуляции фашистской Германии казачий ансамбль песни и пляски выступал в центральном зале рейхстага перед бойцами-победителями.

О боевых делах цирковых артистов написано не очень много, хотя... Вот только один факт: среди воинов-панфиловцев, павших у развезда Дубосеково, был и посмертный Герой Советского Союза артист цирка Иван Шепетков. Но все это — тема особого рассказа...

Когда стране полечало, Лонго с куклами и говорящим попугаем в расписном халате стал приходить в палаты к раненым. Там вершил он свое самое человеческое чудо: боль обращал в смех...

Ну, а как же быть с теми сенсационными номерами, из-за которых газетчики начала века присвоили Лонго титул «доктора магии». Секреты Дмитрий Иванович раскрывает сам:

— Как ходил босиком по углям? Научил меня этому дервиш Бен-Али в Бухаре. Чтобы не было ожогов, предварительно вымачивал ступни в растворе квасцов и вяжущих масел... Олово вливал в рот, но рас-

плавленный металл попадал в крошечную ванночку, спрятанную за зубами. Главное, не обжечь губы.

По саблям поднимался вверх, подось оставались целы потому, что угол заточки лезвия немного снашивался. Один из самых трудных трюков — «факир в могиле». Рассчитывать приходилось лишь на слабый приток воздуха между комьями земли. Чтобы умерить дыхание, врал в рот небольшой боб и силой воли заставлял себя сосредоточиваться только на нем... Шпаги глотать тоже не просто. Нужны плоские затупленные клинки, чуть согретье в руках. Перед тем как вобрать в себя первую шпагу до самого эфеса, полгода тренировал горло с помощью гусяного пера (щекотал гортань) и деревянной палочки.

Один индийский факир уверял меня, что я проживу долго. «Ты любишь животных, — говорил он, — и

Д. И. ЛОНГО.

их жизненные силы будут вселяться в тебя». Так это или не так, но я действительно люблю животных. До недавних пор вместе со мной жили собака Джоли, столетний попугай Ара и петух... Увы, я пережил их всех!

Когда старому факиру грустно, он читает своего любимого Хайяма: «Растить в душе побег унынья — преступленье...»

Свой столетний юбилей Дмитрий Иванович отметил на сцене Центрального Дома литераторов. Нет, он не сидел в мягком кресле юбиляра. Он стоял у мольберта и де-

монстрировал гостям свое искусство: делал моментальные зарисовки по памяти виденных еще в юности египетских пирамид. А память у Лонго отменная — стихи Хайяма, Физама, Фирдоуси он может наизусть читать часами.

Презжали к нему ученые-геронтологи, расспрашивали о режиме дня, одобрительно кивали головами, узнав, что москвич-долгожитель предпочитает молочн-овощную кухню, а вином и табаком не злоупотребляет.

Народный артист СССР Сергей Образцов в одном из публичных выступлений заметил, что старики умирают тогда, когда перестают себя чувствовать нужными. Наверное, все-таки в этом главный секрет долголетия Лонго. Старый артист нужен молодому поколению иллюзионистов: студенты циркового училища в его доме не редкие гости. Он нужен детям, и он приходит на утренники в детские сады. Совсем недавно Лонго побывал в клубах частей Московского военного округа.

Он спит не больше пяти часов в сутки. Иногда среди ночи зажигает свет и быстро набрасывает на листке схему нового фокуса.

Он сочиняет стихи. Для издательства «Малыш» подготовил «Сказки факира», обложку и все рисунки будущей книги выполнил сам в стиле иранского лубка. Он пишет маслом натюрморты и пейзажи. На подокознике — рукопись по истории русского балагана. На столе клей, шило, ножницы, шпагат. Лонго мастерит игрушки, куклы, перелетает книги. У него удивительно молодые руки.

Когда-то факир Димитриус Лонго побеждал на сцене смерть. Ныне он побеждает старость. И это не факирский трюк, это человеческий подвиг.

В окно его кабинета-мастерской смотрит тонкий полумесяц, словно сведенный с узоров на старинном арабском оружии. Последний факир России встречается сегодня свой сто первый Новый год.

Старший лейтенант
Н. ЧЕРКАШИН.